

*Т.Ю. Кобищанов**

**РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ
ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА БОНАПАРТА
1798–1801 гг.**

Статья посвящена анализу противостояния России и Франции на Ближнем Востоке в период Второй антифранцузской коалиции (1798–1802 гг.). Российские войска не принимали непосредственного участия в борьбе с вторгнувшимся в Египет и Сирию экспедиционным корпусом под командованием Наполеона Бонапарта, однако такая возможность рассматривалась османскими властями, а также французским и британским командованием. Между тем, императоры Павел I и Александр I имели относительно Ближнего Востока особые планы. Отдельное внимание уделяется образу России в пропагандистской борьбе, которую стороны конфликта вели за умы мусульманских подданных Османской империи.

Ключевые слова: Французская экспедиция в Египет, Наполеон Бонапарт, внешняя политика, Павел I, Россия, Ближний Восток, Ф.Ф. Ушаков, В.С. Томара

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-148-171

В 1798 г. Ближний Восток во второй раз за свою Новую историю стал объектом агрессии Западного мира. Однако если четвертью века ранее атакам российского флота подверглись лишь несколько приморских городов, то вторжение французской армии под командованием Наполеона Бонапарта затронуло весь Египет и значительную часть Сирии, продолжалось более трех лет, привело к многочисленным жертвам и имело далеко идущие последствия. Более того, арабо-османский мир впервые стал ареной схватки европейских держав: Франции, Англии и, косвенным образом, России.

Тема российского участия в действиях Второй антифранцузской коалиции на Ближнем Востоке долгое время оставалась вне поля зрения исследователей. Действительно, в Египте и Сирии в 1798–1801 гг. российская армия и флот непосредственно задей-

* *Тарас Юрьевич Кобищанов, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.*

ствованы не были. Однако призрак российского вторжения будоражил умы многих участников событий. Действия Бонапарта и его преемников во главе экспедиционного корпуса оставались в сфере внимания Санкт-Петербурга, а противостояние двух крупнейших держав Европы: Французской республики и Российской империи, – сохранялось и на территории азиатских и африканских владений Османской империи.

Влияние России на Высокую Порту¹ стало быстро нарастать летом 1798 г. 8 июня 1798 г., российский посланник в Стамбуле В.С. Томара (1798–1803), опираясь на данные разведки и полученные из Петербурга инструкции, официально предупредил главу османского внешнеполитического ведомства *раис-эфенди*² Ахмеда Атыф-эфенди Рассих-пашу (1798–1799), что Франция готовится захватить Египет. Томара точно предсказал, что сначала французский флот двинется к Мальте, которая «есть первая и важная ступень ... к бесспорному господствованию на Средиземном море»³. Конечным же пунктом назначения французской экспедиции, уверял российский посланник, являются берега Нила. Об этом свидетельствовала и добытая царской разведкой информация о подготовке французскими дипломатами к отправке из Стамбула в Каир типографии с арабским шрифтом – «опасного орудия в руках ученой революции», и внезапный вызов в Париж почти забытого властями консула в Египте Шарля Магаллона, и «определение к Экспедиции... многих ученых людей и именно Арапской язык знающих»⁴. Целью вторжения, как сообщалось в письмах российских агентов из Парижа, Марселя и других городов Республики, являлось завоевание Египта и прокладка канала, соединяющего Средиземное море с Красным. Пока канал будет строиться, французы, якобы, намеревались укрепить Суэцкий порт и отправить оттуда помощь воевавшему с англичанами правителю южноиндийского княжества Майсур Типу Султану (1784–1799). Индостан должен был стать свободным от британцев, а Египет –

¹ Высокая Порты (Баб-и али) – резиденция великого везира и с 1654 г. место заседаний Имперского совета. С XVIII столетия данное наименование закрепилось за Османским правительством.

² *Раис-эфенди* или *раис аль-куттаб* («глава писарей») – начальник верховной канцелярии, которая занималась, в числе прочего, дипломатической перепиской с иностранными державами.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 90 Константинопольская миссия. Оп. 1. Д. 1332. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 50-50 об.

землей, привечающей всех евреев из Индии, Африки и Европы. Притязания османов предполагалось удовлетворить, удвоив или утроив размер поступавшей из Египта дани⁵. Российский посланник предъявлял дополнительные доказательства своих умозаключений, сообщая, что эскадра перевозила предметы, «какие в экспедициях на другую землю были бы ненужны, а в Египте могут быть полезны, ... например: целые транспорты нагруженные деревянными башмаками, *sabots*, для употребления в тамошних песках»⁶.

Султан Селим III (1789–1807) и его окружение колебались, следует ли доверять полученной информации и какие действия надлежит предпринять. В итоге никаких шагов по организации обороны Египта сделано не было, и известие о состоявшейся 1 июля 1798 г. высадке французских войск под Александрией произвело как в Каире, так и в Стамбуле эффект разорвавшейся бомбы.

Агрессия Директории привела к падению профранцузского правительства *садразам*⁷ Иззет Мехмет-паши (1794–1798) и смене международной ориентации Порты⁸. В сентябре 1798 г. Турция и Россия вошли в военную коалицию, подписав «Сепаратные и секретные артикулы» союзного трактата. 70-тысячная русская армия стояла на границе, готовая по первому зову подавить мятежи в румелийских провинциях Османской империи и защитить ее столицу⁹. Между императором Павлом I и султаном Селимом III завязалась оживленная переписка, посланник Томара постоянно проводил встречи и совещания с османскими чиновниками. Некоторые из них, в том числе главный драгоман Деметрио Караджа, были платными российскими агентами. Были и бескорыстные сторонники, подобно раис-эфенди Ахмеду Рассих-паше, в свое время возглавлявшему посольство в Санкт-Петербург и обретшему там симпатию к России и склонность к потреблению горячительных напитков. Впервые за несколько столетий флот христианской державы – черноморская эскадра под командованием вице-адмира-

⁵ Там же. Л. 75-75 об.

⁶ Там же. Л. 93.

⁷ *Садразам* (*садр-и азам*, он же *везир-и азам*) – глава государственного аппарата Османского государства. В российской традиции часто именуется великим визирем. Он считался «абсолютным представителем» (*векил-и мутлак*) султана, ответственным за военнополитическое состояние империи, все назначения в армии, столичной и провинциальной администрации.

⁸ Подробнее см.: Кобищанов Т.Ю. Джихад – неверующим, союз – неверным: Высокая Порта в первые месяцы после французского вторжения в Египет // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 2. С. 3-22.

⁹ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1333. Л. 3.

ла Ф.Ф. Ушакова – прошел через Босфор и начал совместные с турками боевые действия в Адриатическом море. Кульминацией «сердечного мира и согласия», воцарившегося между двумя империями, стало создание на захваченных у Франции Ионических островах российско-османского кондоминиума: Республики Семи островов.

Помимо Адриатики, вторым фронтом действий антифранцузской коалиции в Восточном Средиземноморье стал Ближний Восток. Вторжение экспедиционного корпуса под командованием Наполеона Бонапарта в июле 1798 г. в Египет, а в марте 1799 г. – в Сирию поместило этот регион в фокус внимания всех европейских держав, в том числе и России.

К тому времени Санкт-Петербург не обладал развитой дипломатической и разведывательной сетью в арабо-османских землях. Период максимальной активности 70-х – 80-х гг. XVIII в., когда царское правительство осуществляло прямое вмешательство в ближневосточные дела, открывая в Египте и Сирии консульские представительства и поощряя сепаратистские движения, сменился более осторожным и прагматичным подходом. После подписания Ясского мира 1791 г. уровень дипломатического присутствия на всем Арабском Востоке был сокращен до вице-консульства в Каире, которое возглавил венецианец Карло Россетти. В местные порты заходили греческие корабли, плававшие под российским торговым флагом. Святые места Палестины и Египта посещали немногочисленные паломники: клирики и люди из простонародья, да изредка – путешественники и искатели приключений, подобные «эстляндскому дворянину» барону Кнорингу, ставшему невольным свидетелем вступления французских войск в Каир¹⁰. На этом контакты между Россией и Ближним Востоком в последнее десятилетие XVIII в. практически исчерпывались.

Тем не менее, с 1798 по 1801 гг. донесения о событиях в Египте и Сирии регулярно поступали в российское посольство в Стамбуле, а затем суммировались, анализировались и пересылались в Санкт-Петербург. Анализ отчетов В.С. Томары позволяет выделить три группы вопросов, наиболее интересовавших как самого посланника, так и Коллегию иностранных дел и императора Павла. Это были декларации генерала Бонапарта и его преемников, касавшиеся целей похода и отношений с Высокой Портой, ново-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 89 Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 881. Л. 94.

сти о ходе военных действий, и, наконец, сообщения о настроениях среди местных жителей.

Внимание, которое уделяли ближневосточным событиям российские дипломаты в Стамбуле и их начальники в Санкт-Петербурге, было вполне закономерно. Как известно, одной из целей Восточного похода Французской республики было нанесение невосполнимого ущерба английской колониальной торговле. В частности, Египет рассматривался как удобный «трамплин» для прыжка в Британскую Индию. Однако Шарль Талейран, который, наряду с самим Бонапартом входил в число главных идейных вдохновителей Египетской кампании, расценивал экспедицию на берега Нила также и в качестве единственного доступного способа нанести удар по России. Всесторонне анализируя возможности переноса военных действий во владения императора Павла I, Талейран пришел к выводу, что следствием оккупации Египта станут военно-политический союз Порты с Директорией и выступление объединенного франко-турецкого флота на отвоевание Крыма, который послужит для османов компенсацией за утраченный Египет. «Разрушение Херсона и Севастополя, – писал французский политик, – стало бы одновременно справедливой мезтью за безумное неистовство русских и лучшим средством для успеха на переговорах с турками, дабы получить от них все, что могло бы укрепить наше положение в Африке»¹¹.

Примерно такие же мысли на начальном этапе экспедиции внушались французами арабам. В обращении к жителям Египта каирских шейхов, написанном в ноябре 1798 г. под диктовку оккупантов, говорилось, что «французская нация, единственная среди всех европейских наций всегда любила мусульман и их религию и ненавидела язычников и их суть. Являясь верными друзьями повелителя нашего султана, французы стоят на страже его интересов... Потому-то так сильна ненависть между французами и московитами, – она вызвана той враждой, которая существует между султаном и этими неверными московитами. Французский народ поможет его величеству султану захватить их страну, если того пожелает бог всевышний, и истребить их всех до единого»¹².

¹¹ Mémoire de Talleyran au Directoire executive sur la situation extérieure de République Française, 22 messidor an VI (10 juillet 1798). Цит. по: *Poniatowski M. Talleyran et le Directoire 1796-1800. P., 1982. P. 722-723. Ср.: Талейран Ш. Мемуары. Екатеринбург, 1997. С. 144.*

¹² *Аль-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). М., 1978. С. 116.*

Командование экспедиционного корпуса пыталось использовать Египет в качестве разменной монеты, за которую можно было купить союз с Портой, даже после вступления последней в антифранцузскую коалицию. В письме от 30 термидора VII г. Республики (17 августа 1799 г.) Наполеон призывал садразама: «Скажите лишь: “Мы закроем для России Черное море и прекратим быть игрушкой для этой враждебной державы, которую у нас есть столько поводов ненавидеть”, – и я сделаю все, что вам угодно»¹³. В этом же послании Бонапарт взывал к религиозным чувствам: «Ваше Превосходительство, – писал он, – не может не знать, что подлинным врагом ислама является Россия, что император Павел I сделался Великим магистром Мальты. Это означает, что он желает воевать с мусульманами. Не он ли является главой Греческой [православной] церкви, то есть наиболее многочисленных врагов ислама?»¹⁴. После бегства Наполеона из Египта, его преемник Жан-Батист Клебер вновь предлагал садразам военную помощь на случай, если Турция перейдет в состояние войны с Россией¹⁵.

Султанское правительство осознавало, какими пагубными последствиями грозит заключение сепаратного мира с Францией. Только доказав способность вернуть силой оружия Египет, Порта могла избежать агрессии партнеров по коалиции, сохранить остатки международного престижа, предупредить внутренние мятежи и возможную дезинтеграцию империи. Но сил османов явно не хватало на то, чтобы справиться с Бонапартом и его генералами. На определенном этапе войны в Стамбуле стали всерьез рассматривать возможность отправки российского флота непосредственно к берегам Нила.

Мысль о том, что «Египет можно бы поверить»¹⁶ российским войскам прочно утвердилась в умах влиятельной группировки, возглавляемой матерью султана Михр-и Шах (1745–1805) и управлявшим ее делами евнухом Йусуф-агой Мюхюрдаром (ум. 1807). В Порте ее сторонниками были садразам Йусуф Зия-паша Кёр (1798–1805), а также раис-эфенди Ахмед Рассих-паша.

¹³ *Napoléon Bonaparte. Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. P., 1860. T. 5. P. 564.*

¹⁴ *Ibid. P. 566.*

¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 85-85 об. Rapport de Ruchdi Mehmed Effendi au Grand Visir.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 13. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 июня 1800 г.

Очевидно, члены этой «партии» опасались, что место Франции в Египте займет Англия, и рассчитывали, что Россия не имеет экспансионистских амбиций в Средиземном море.

Следует отметить, что Британия после победы над Францией видела именно в России будущего соперника в борьбе за доминирующее влияние в регионе. «В настоящее время, – рисовал угрожающую картину депутатам английского парламента премьер-министр Уильям Питт-младший, – царь командует в Средиземноморье, как у себя дома. Его войска господствуют как в Европе, так и на Востоке»¹⁷. Аналогичным был настрой и у британских военных и дипломатов. Российский посланник в Стамбуле указывал императору Павлу, что англичане «всемерно старались вредить доверенности к нам турков и не допустить нас помогать им в Египте»¹⁸. Как отмечал В.С. Томара, «каждой [англичанин] лишь только отдохнет африканский воздух, то как обвороженной начинает почитать соперниками своими Россиян паче французов»¹⁹. Командующий британским флотом в Восточном Средиземноморье коммодор Сидней Смит и его подчиненные ревностно следили за действиями эскадры Ф.Ф. Ушакова. Капитан российского торгового судна Калига сообщал, что Сидней Смит принял его и других российских шкиперов с явной неприязнью. Более того, он утверждал, что доподлинно слышал слова коммодора, что англичане как привели русских в Средиземноморье, так и вышвырнут их обратно в Черное море²⁰. Среди британцев ходили слухи о 3-тысячном корпусе российских войск, направленном через Стамбул в Египет на помощь армии садразама²¹.

Практически после каждого военного поражения османские чиновники заводили речь о возможной российской помощи. Получив известия о разгроме 25 июля 1799 г. османского десанта под Абу-Киром, в Стамбуле стали связывать надежду «выжить Бонапарте с остатком Армии его из Египта»²², главным образом, с переброской туда российской эскадры. В конце августа 1799 г. Порта обратилась к посланнику Томаре с просьбой дать указание вице-адмиралу

¹⁷ *Rose I.H.* Life of W. Pitt. Pt. 2. L., 1932. P. 394. Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 1978. С. 49.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 914. Л. 3. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 мая 1800 г.

¹⁹ Там же. Д. 916. Л. 6 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 июля 1800 г.

²⁰ Там же. Д. 916. Л. 15. Шифрованное письмо драгомана Франкини от 7/18 мая 1800 г.

²¹ Там же. Д. 916. Л. 14-14 об. Шифрованное письмо драгомана Франкини от 7/18 мая 1800 г.

²² Там же. Д. 894, Л. 91. «Записка Константинопольских вестей и разглашений» за первую половину августа 1799 г.

Ушакову, корабли которого вместе с османским флотом Кадыр-бея блокировали итальянское Адриатическое побережье, дабы он «собрал все отряды следовал немедленно к Египту». В.С. Томара не дал категорического отказа, заявив, что «в Египте не надобны корабли, но высадные войска», которые могли бы быть отправлены туда «по окончании дела в Италии»²³. На практике же российский посланник не только не пошел навстречу союзникам, но рекомендовал Ушакову под любыми предлогами оставаться на месте и удерживать Кадыр-бея от возвращения в Восточное Средиземноморье²⁴.

Осенью 1799 г. Порта вновь ходатайствовала об отправке эскадры Ушакова к египетским берегам. На встрече, состоявшейся 30 сентября, османские чиновники поспешили заверить В.С. Томару, что речь идет не о военном десанте, а лишь о блокировании побережья: «Бонапарте не может знать, – объяснял диспозицию раис-эфенди, – в состоянии ли Эскадра сделать высадку и сие одно заставит его разделить армию. Гарнизоны теперь в Александрии, Розетте и Дамиате суть обыкновенные; но естли Банапарте вдруг увидит в разных местах сильные отряды кораблей угрожающих берегу нападением, ... то будет вынужден гарнизоны эти увеличить, а свои основные силы ослабить»²⁵. Однако Павел I недвусмысленно отказался отправлять в Египет основные силы флота «за чрезмерною отдаленностию»²⁶.

Действительно, хотя изначально зону военно-морских операций император очертил пределами всего Восточного Средиземноморья: «не далее Египта, Кандии, Мореи и веницианскаго залива»²⁷, – эскадра Ушакова вела борьбу с французами исключительно на Ионических островах и в Италии. Выработанный в сентябре 1798 г. план кампании предусматривал лишь ограниченные действия у египетских берегов небольшого канонерского отряда под командованием капитана 2 ранга Сорокина²⁸. 21 октября 1798 г. небольшая русско-османская флотилия из 2 российских и 2 ту-

²³ Там же. Д. 895. Л. 4 об. Реляция В.С. Томары от 1/12 сентября 1799 г.

²⁴ Там же. Д. 895. Л. 5-5 об. Реляция В.С. Томары от 1/12 сентября 1799 г.

²⁵ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 71-71 об.

²⁶ Там же. Л. 1409. Л. 107-107 об. Рескрипт Павла I Томаре от 14 октября 1799 г.

²⁷ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 198. Оп. 1. Д. 85. Л. 121 об. Цит. по: *Васильев Д.Д.* Из истории Российско-Османского боевого содружества (по материалам Фонда канцелярии адмирала Ф.Ф. Ушакова в Российском государственном архиве ВМФ) // *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 165.

²⁸ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 85. Л. 183. Цит. по: *Васильев Д.Д.* Из истории Российско-Османского боевого содружества... С. 167.

рецких судов присоединилась к английской эскадре, готовившейся штурмовать Абу-Кир. Принявший командование соединенным флотом коммодор Сэмьюэл Худ (1762–1814) бросил османские корабли на острие атаки, усилив их экипажи британскими и русскими моряками. Попытка штурма крепости провалилась, отчасти из-за междоусобной стычки на одном из судов, стоившей жизни нескольким членам межнациональной команды²⁹. Несмотря на общую неудачу, российские моряки удостоились похвалы британцев за выдержку, беспрекословное выполнение команд и бесстрашие³⁰. Однако после разгрома османской армии при Гелиополисе в марте 1800 г. садразам Зия-паша в частных беседах с российским поверенным Энрико Франкини, вновь завел речь о том, что Россия, «единственный друг Порты», должна отправить экспедицию в Египет. Ему, похоже, удалось убедить весьма осторожного Франкини, в «огромных преимуществах»³¹ этого мероприятия. А уже в апреле того же года раис-эфенди «от имени Султана» передал В.С. Томаре просьбу направить часть российской эскадры к египетским берегам, а в перспективе и «о испрошении <...> в Египте высадных войск Российских»³². Томара дипломатично ушел от ответа, предложив в письме Павлу I, что эта экспедиция «при трактовании об оной промедлена деталями и в ничто всегда обращена быть может»³³.

Впрочем, в османских верхах не было единства мнений, следует ли приглашать иностранный военный контингент для освобождения собственной территории. Как впоследствии признавался В.С. Томаре Атыф-эфенди: «Упустили мы случай воспользоваться флотилиею и войсками вашими для возвращения Египта; сие отнюдь произошло не от недоверчивости; но от стыда, <...> вельможии наши предложение <...> требовать флотилии Российской называли постыдным признанием собственной немощи, которое осрамит нас пред лицом всей Европы»³⁴.

²⁹ *Williams C.* A voyage up the Mediterranean in His Majesty's Ship the Swiftsure, one of the squadron under the command of Rear-Admiral Sir Horatio Nelson... with a description of the battle of the Nile. London, 1802. P. 120-122; *Lee J. Th.* Memoirs of the Life and Services of Sir J. Theophilus Lee, of the Elms, Hampshire. London, 1836. P. 126.

³⁰ *Williams C.* A voyage up the Mediterranean... P. 124.

³¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 914. Л. 60 об.-61. Шифрованное письмо Франкини от 18/29 марта 1800 г. См. также письмо Э. Франкини В.С. Томаре от 1/12 июля 1800 г. – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 35-37 об.

³² Там же. Д. 913. Л. 67 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 апреля 1800 г.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Д. 918. Л. 57 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 октября 1800 г.

В свою очередь, российская дипломатия охотно культивировала в османах комплекс военной неполноценности. Отказы в отправке флота и войск российский посланник стремился формулировать в максимально унижительной форме, подчеркивая незначительность ближневосточного фронта по сравнению с задачами, которые стояли перед антифранцузской коалицией в Европе. Например, отклоняя просьбу раис-эфенди передислоцировать хотя бы часть эскадры Ушакова, Томара предлагал османскому правительству «исчислить, стоит ли такового труда шайка французов в Египте, лишенных всякого подкрепления из Франции, между собою несогласных, уমাляющихся каждой день от Дезерции и погибающих от голоду, слепоты и чумы»³⁵.

В свою очередь, французское командование пребывало в неведении, захочет ли Россия использовать возможность закрепиться на Ближнем Востоке. Отправляясь в феврале 1799 г. в поход в Сирию, Бонапарт упоминал в числе врагов, с которыми придется там иметь дело: «пустыню, местных жителей, арабов-[бедуинов], мамлюков, русских, турок и англичан»³⁶. О страхе перед российским десантом свидетельствует послание Наполеона членам Каирского дивана, датированное 21 июля 1799 г. Получив сведения, что под Абу-Киром бросила якорь эскадра из восьми десятков военных кораблей, генерал-аншеф ошибочно предположил, что прибыл объединенный флот Ушакова и Кадыр-бея. «Те, кто привел сюда этот флот, – говорилось в послании, – надеются, объединившись с мамлюками и бедуинами, ограбить и опустошить Египет. На этих кораблях прибыли русские, которые ненавидят исповедующих единобожие, поскольку сами они в своих измышлениях веруют в троицу. Но они скоро убедятся, что не количество богов придает силу, а Господь единый, всепобеждающий, милостивый и милосердный... Что же касается прибывших с ними мусульман, – продолжал французский командующий, – то они – нечестивцы, поскольку объединились против завета Пророка с неверной и идолопоклоннической державой»³⁷. Это письмо, как упоминал хронист аль-Джабарти, было отпечатано и расклеено на улицах, а отдельные экземпляры вручены знатным горожанам³⁸.

Проводимое французами запугивание египтян российской угрозой сочеталось с опасениями, циркулировавшими среди ос-

³⁵ АВПРИ, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 1413, л. 3. Реляция В.С. Томары от 1/12 апреля 1799 г.

³⁶ *Napoléon Bonaparte. Correspondance.* Т. 5. Р. 311.

³⁷ *Ibid.*, Р.526.

³⁸ *Аль-Джабарти, 'Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 220.

манских подданных. В текущей войне против «безбожных французов» царь был союзником султана, однако на Ближнем Востоке не забывали, что за предыдущие четверть века «Московия» провела с турками две успешные войны, «захватив, – как отмечал аль-Джабарти, – крепости и большие города, которыми владели мусульмане»³⁹. Тревожила мусульман и экспансия России в Восточной Европе, в частности, недавние разделы Речи Посполитой, которая, по словам члена ливанского правящего дома эмира Хайдара аш-Шихаби, «служила барьером между государством ислама и государствами франков»⁴⁰. Территориальные приобретения, констатировал аш-Шихаби, увеличили мощь московитов по сравнению с османами. Находившийся в эти годы с миссией в египетском порте Думьят (Дамиетта) придворный хронист ливанского эмира Башира II Шихаба (с перерывами 1790–1841 гг.) Никула ат-Турк⁴¹ упоминал о дальнейшем расширении России на юг вследствие присоединения Грузии (1801) и успешной войны с Персией (1796–1801). «Она стала могущественной – и насколько могущественной! Время благоволит ей», – восклицал ат-Турк⁴². Неудивительно, что союз с «московитами» рассматривался на Ближнем Востоке как временный альянс, предшествующий новой войне.

При этом показательно, что из всех российских лидеров упоминания Никулы ат-Турка удостоился только «султан Константин», брат императора Александра I. Ливанский хронист писал, что турки называли его «желтым варваром», очевидно, опасаясь предначертанной судьбы стать владыкой Константинополя. «Желтый варвар» должен был вызывать реминисценции с «желтым властелином» – давней османской идиомой, применявшейся к правителю Московии и имевшей понятные мусульманам коннотации. Согласно исламской традиции, *Асфар* (араб. «Желтый») считался внуком праотца Эсава (библ. Исава), сына Исхака (библ. Исаака). От сына Асфара – Румиля, в свою очередь, произошли греки, римляне (араб. *рум*) и другие европейские народы⁴³. Таким образом, экспансия России в южном

³⁹ *Аль-Джабарти*. Египет в канун экспедиции Бонапарта. С. 290.

⁴⁰ *Al-Shihabi, Haydar Ahmad*. Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin [Ливан в эпоху правления эмиров Шихабов]. Beirut, 1933. Vol. 2. P. 506.

⁴¹ Никула ибн Йусуф ибн Насиф Ага ат-Турк (1763–1828) – греко-католик из ливанского Дейр аль-Камара. Состоял на службе у эмира Башира II Шихаба, который отправил его в 1798 г. Египет для составления отчета о деятельности французского экспедиционного корпуса.

⁴² *Turk, Nicola*. Chronique d'Egypte 1798–1804 / Ed. and trans. Gaston Wiet. Cairo, 1950. P. 173.

⁴³ *Lewis B.* The Muslim Discovery of Europe. N.-Y., 2001. P. 141.

направлении приобретала в глазах «правоверных» символическое значение. Это был реванш христианского мира над миром ислама, потомков Исаака над потомками Исмаила (библ. Измаила).

В этой ситуации османским властям надо было объяснить мусульманским подданным не просто перемену внешнеполитического курса, но отказ от шариатской концепции взаимоотношения *дар аль-ислам* (араб. «территории ислама») с *дар аль-харб* (араб. «территорией войны»). Вступление османского государства в военный союз с христианскими державами не имело прецедентов⁴⁴, тем более что в данном случае в число союзников входила традиционно враждебная Россия. В результате османская пропаганда начала создавать в общественном сознании образ республиканской атеистической Франции как безбожной силы хаоса, стремившейся ниспровергнуть «всеобщие права, Престолы, веру и все что есть святое на земле»⁴⁵. Захватив в водоворот разрушения половину христианской Европы, эта сила добралась теперь и до мира ислама, не случайно начав с Египта: «ключи от Двух священных городов [Мекки и Медины. – Т.К.] и путеводного светильника к Двум городам *кыблы*⁴⁶ [Мекке и Иерусалиму. – Т.К.]»⁴⁷. «Вы я думаю знаете, – как непреложный факт сообщал российскому посланнику глава османского внешнеполитического ведомства, – что [сии враги] не только Мекку и Медину хотят разорить; но еще и в Ерусалим жидов возстановить хотят»⁴⁸.

Именно «безбожие» французских гяуров было поставлено в центр османской пропагандистской риторики, во весь голос зазвучавшей в пределах исламского мира⁴⁹. «Французская нация подняла мятеж и отвергла любую веру как в единого и всеведущего Бога, так и в пророков и апостолов, – писал Селим III марокканскому султану Мулай Слиману (1792–1822). – В основе их национального характера лежит неповиновение, вероломство и жестокость. Это низкая нация, повсеместно сеющая анархию... На всех

⁴⁴ Finkel C. *Osman's Dream. The Story of the Ottoman Empire 1300–1923*. L., 2005. P. 397.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1332. Л. 117 об.

⁴⁶ *Кыбла* – направление, к которому мусульманин обращается лицом во время молитвы. В 624 г. это направление было изменено с Иерусалима («первой кыблы») на Мекку, где находится Кааба.

⁴⁷ *Ад-Дарандали, 'Иззет Хасан-эфенди. Зийа-наме* (Книга о Зия[-паше]). Каир, 1999. С. 178.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1332. Л. 117 об.

⁴⁹ Подробнее об исламской политике командования экспедиционного корпуса см.: *Кириллина С.А.* Бунабарди-паша и “воинство шайтана”: ислам в политике восточной экспедиции Бонапарта 1798–1801 гг. // ФЕ 2017. М., 2017. С. 35–54.

истинно верующих, где бы то ни было – на Востоке или на Западе, в Персии или в Аравии, лежит святая обязанность использовать все силы и властные полномочия и ценой жизни и имущества изгнать и искоренить эту нацию»⁵⁰.

Призыв падишаха был услышан и на Ближнем Востоке. Умудренные познаниями египетские богословы и правоведы поверили словам не французского генерал-аншефа, а османского Повелителя правоверных. Разбирая первую прокламацию Бонапарта к жителям Египта, видный каирский богослов Абд ар-Рахман аль-Джабарти потратил целых шесть страниц первоначального текста своей хроники на разоблачение «лжи этих неверных». «... Эти люди [французы – Т.К.], – писал аль-Джабарти, – являются противниками как христиан, так и мусульман, и не исповедуют ни одну из религий. Они – материалисты, отвергающие все Божественные атрибуты, загробную жизнь и Воскресение из мертвых, посланническую миссию Пророков. Они верят, что мир не был сотворен и что на небесные тела и явления Вселенной влияет движение звезд, что народы зарождаются и государства приходят в упадок согласно стечению обстоятельств и фаз луны. Некоторые [из них] верят в переселение душ или в иные выдумки»⁵¹. Любопытно, что данный пассаж соответствует тому абзацу манифеста, где генерал-аншеф объявлял своих соотечественников «правоверными мусульманами, ... и многовековыми друзьями Великого Властителя»⁵². Обличая демагогию захватчиков, аль-Джабарти обошел молчанием содержащиеся в прокламации реверансы Бонапарта в адрес стамбульских властей. Причиной тому, как предположил видный французский османист Андре Рэмон, были сомнения арабского богослова в политической подоплеке событий и конечных намерениях французского командования⁵³.

Победа Порты в развернувшейся на Ближнем Востоке пропагандистской войне облегчила её взаимодействие с партнерами по коалиции: причем не только с Британией, бомбардировавшей французские войска в Сирии и высадившей десанты и Египте, но и с Россией.

⁵⁰ Мубарак З. Маулай Слимман ва-с-саура аль-фарансийа ва Набульюн Бунабарт [Мулай Слимман, французская революция и Наполеон Бонапарт] // Джамий'ат Маулай 'Али аш-шариф аль-харифийа. А'амал ад-даура ар-раби'а. Ар-Рисани, 1992. С. 94-95.

⁵¹ Аль-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 16.

⁵² Подробнее об этой прокламации Наполеона, ее составителях и о ее значении см.: Laurens H. L'Expédition d'Égypte, 1798-1801. P., 1989. P. 75-77.

⁵³ Raymond A. Égyptiens et français au Caire, 1798-1801. Le Caire: Institut Français d'archéologie orientale, 1998. P. 88.

Отказ отправлять на Ближний Восток войска и флот Россия компенсировала военными поставками. Начиная с весны 1799 г. корабли черноморской эскадры стали доставлять боеприпасы в Стамбул, где они проверялись османскими чиновниками, перегружались на российские торговые суда и отправлялись в Сирию. Дипломаты отмечали «весьма приятное впечатление», которое произвела выгрузка снарядов «в простом народе», несмотря на то, что привезенные ядра и бомбы – скорее по халатности, нежели по злему умыслу – были по большей части «калибрам турецким несходствующие»⁵⁴. По этой причине значительную их часть пришлось отправлять обратно⁵⁵.

Всего на доставку в действующую османскую армию продовольствия, амуниции и боеприпасов было подряжено до сотни ходивших под российским торговым флагом судов, – в основном принадлежавших греческим торговцам. В боевых действиях ни сами корабли, ни их экипажи не участвовали, однако их роль в снабжении османского войска была чрезвычайно велика. Когда несколько десятков транспортов не смогли осенью 1799 г. выйти из сирийских портов, будучи задержаны по приказу местного правителя Ахмада Джаззар-паши, для османского лагеря это означало настоящую катастрофу. Один из высших турецких чиновников *дафтардар-баши*⁵⁶ с упреком сетовал: «Русские корабли и русские капитаны нанесли большой ущерб [османскому] лагерю, чем нанес враг. Взяв в Константинополе груз, чтобы доставить его в Бейрут, Сайду, Акру и Хайфу, они не захотели двинуться с места...; а в ожидании их мы умираем здесь от голода»⁵⁷.

Под совместным давлением союзников Джаззар-паша отпустил задержанные суда, но потребовалось еще убедить их владельцев, потерявших на вынужденном простое немало времени и денег, отвести груз дальше на юг – вслед за османской армией. В итоге инцидент был исчерпан, и капитаны благополучно прибыли в Яффу, куда в то время переместилась ставка садразама. Посетивший этот порт британский хирург Уильям Уитмен отмечал, что большая часть стоявших на рейде кораблей были русски-

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 15об. Реляция В.С. Томары от 1/12 мая 1799 г. См. также: Ведомость бомбам и снарядам присланным из Канторы главнаго командира Черноморских флотов. – АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 19.

⁵⁵ Там же. Д. 892. Л. 58. Реляция В.С. Томары от 16/27 июня 1799 г.

⁵⁶ *Дафтардар-баши* – глава финансового ведомства османского правительства.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 34.

ми⁵⁸. В канун отмечаемого 29 июня 1800 г. тезоименитства императора Павла I Энрико Франкини приказал шкиперам российских судов организовать артиллерийский салют, а затем выстроил их на импровизированный парад на пути правительственного кортежа. Сераскер весьма благосклонно отнесся к празднованию, лично поприветствовал моряков и велел городской артиллерии дать в ответ несколько залпов⁵⁹.

Помимо поставки продовольствия и боеприпасов, Россия пыталась оказывать непосредственное воздействие на ход военных действий на Ближнем Востоке через своих тайных и явных агентов в окружении садразама. Несомненной удачей российской дипломатии стал выбор представителя при действующей османской армии – коллежского асессора, получившего затем чин надворного советника Энрико Франкини. Свободно владевший турецким языком Франкини быстро завоевал доверие высших османских чинов. Именно российского представителя Йусуф Зия-паша выбрал в качестве своего сопровождающего при первом серьезном столкновении с французами при аль-Арише в декабре 1799 г.⁶⁰ После же того, как главный драгоман Порты Димитрий Караджа (также российский платный агент) скоропостижно скончался в Яффе в мае 1800 г., его обязанности было поручено исполнять Франкини, что Томара в восторженном письме Павлу I называл «неслыханной доверенностью», доказывающей «отличная в нем способности и природные дарования к трактованию с турками»⁶¹.

Одной из основных задач Франкини было не допустить подписания осmano-французского сепаратного договора⁶². Здесь надворный советник потерпел неудачу. Французское командование настоятельно потребовало от Порты устранить российского представителя от обсуждения условий капитуляции экспедиционного корпуса⁶³, британские делегаты фактически поддержали данное требование. В итоге Франкини все же принял участие в аль-

⁵⁸ Wittman W. Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria and across the Desert into Egypt during the Years 1799, 1800, and 1801, in Company with the Turkish Army, and the British Military Mission. L., 1803. P. 118.

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 38. Письмо драгомана Франкини от 1/12 июля 1800 г.

⁶⁰ Там же. Д. 908. Л. 42-47. Дневник Франкини за 11/22-18/29 декабря 1799 г.

⁶¹ Там же. Д. 915. Л. 15 об.-16. Реляция В.С. Томара Павлу I от 16/28 июня 1800 г.

⁶² Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 122.

⁶³ Там же. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 42. Письмо Мустафа-паши великому везиру от 12/23 ноября 1799 г.; Д. 912. Л. 28об. – 29. Письмо Энрико Франкини от 12/23 февраля 1800 г.

Аришских переговорах 16–24 января 1800 г., но его роль оказалась почти декоративной⁶⁴.

Еще до аль-Аришских переговоров российское посольство в Стамбуле разработало особый план, если османской армии не удастся разбить французов и самостоятельно освободить захваченную провинцию. Замысел предполагал действия на случай, когда изможденные сопротивлением местных жителей и атаками османских войск французы согласятся на почетную капитуляцию и эвакуацию из Египта. После этого Порта должна была тайно, «на ухо», побудить правителей вассальных «варварских кантонов» Туниса, Триполи и Алжира напасть на перевозившие солдат экспедиционного корпуса транспортные суда, дабы «не допустить ни одного из сих бродяг увидеть свое отечество»⁶⁵. Данный проект в сентябре 1799 г. был представлен Томарой членам османского правящего дивана, и вызвал у тех неподдельный интерес.

Павел I был уведомлен о плане «истребить французов на дороге»⁶⁶, а также о том, что джентельменская этика commodора Сиднея Смита представляла «непреодолимое затруднение» к реализации этого замысла. Предложение уничтожить безоружных эвакуируемых солдат руками североафриканских вассалов султана не вызвало у «рыцарственного императора» особых возражений. Все же, не вполне доверяя расторопности алжирской, тунисской и триполийской флотилий, 30 ноября 1799 г. Павел приказал Ф.Ф. Ушакову расположиться «своим флотом так чтобы непременно встретя отправляемые из Египта войски разбить оныя и взять в плен и стараться бы ни под каким образом не пропустить их во Францию»⁶⁷. Получив Высочайшее повеление, контр-адмирал Ушаков, не желая примерять на себя ни роль тюремщика, ни палача, стал тянуть время. В своих депешах флотоводец ссылался на «величайшие препятствия»⁶⁸ к исполнению данного распоряжения и просил избавить его от необходимости атаковать французские транспорты, которые будут следовать в сопровождении британского и османского конвоев⁶⁹.

⁶⁴ Подробнее об аль-Аришских соглашениях см.: Чудинов А.В. Падение французского эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // ФЕ 2017. М., 2017. С. 55-93.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 71-73. Реляция В.С. Томары Павлу I от 11/22 сентября 1799 г.

⁶⁶ Там же. Д. 908. Л. 12 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 4/14 февраля 1800 г.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 3189. Л. 56.

⁶⁸ Там же. Д. 3189. Л. 122. Письмо Ф.Ф. Ушакова В.С. Томаре от 6 марта 1800 г.

⁶⁹ Там же. Д. 3189. Л. 109. Письмо Ф.Ф. Ушакова В.С. Томаре от 24 февраля 1800 г.

Срыв аль-Аришских соглашений и плана эвакуации французского корпуса из Египта спас российский флот от необходимости выполнять позорный приказ, а вскоре внешнеполитический курс Павла совершил резкий разворот, и Франция из противника России стала ее союзником. Между царем и первым консулом завязалась переписка о будущем устройстве Европы и мира.

Египетский вопрос занимал значимое место в русско-французских переговорах⁷⁰. Царский посланник в Париже С.А. Колычев в ноте от 7/19 марта 1801 г. прямо заявлял, что «из всех... предложений самое важное для его и [императорского] в[еличест]ва то, которое касается Высокой Порты Оттоманской, его союзницы и друга. Нижеподписавшийся, – продолжал Колычев, – получил приказание требовать, как залога прочного мира между султаном и французской республикой, быстрого очищения Египта»⁷¹. Ревниво борясь за право выступать в качестве единоличного защитника интересов Селима III, своего «друга и союзника»⁷², Павел I открыто заявил о притязаниях на доминирование в османских владениях. После учреждения укрепленных баз на Корфу и Мальте⁷³ Россия смогла бы контролировать прохождение любых иностранных судов из Западного Средиземноморья в Восточное, превратив последнее в «русское озеро». Таким образом, закрепление в Египте Франции или Британии становилось для России совершенно недопустимым.

15/27 января 1801 г. Ф.В. Ростопчин «по Высочайшему повелению» писал Колычеву «о возвращении Египта»: «Государь в сем деле изволит принимать особливое участие <...> Предлагая Порте со стороны Франции, упразднение Египта от войск сей последней державы, должна она удостовериться, <...> что войска английския никогда в Египте терпимы не будут и что сия земля должна попрежнему возвратиться в единственное Порты обладание»⁷⁴. Никакие уступки со стороны Французской ре-

⁷⁰ См.: *Вербицкий Э.Д.* К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII – XIX веков (О проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение (из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока). Кишинев, 1965. С. 179.

⁷¹ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Сборник документов русского исторического общества под ред. А.С. Трачевского. Т. 1. СПб., 1890. С. 67-68.

⁷² Там же. С. 57.

⁷³ Бонапарт дал согласие на возвращение Мальты Ордену св. Иоанна Иерусалимского, чьим гротмейстером в декабре 1798 г. стал Павел I.

⁷⁴ Дипломатические сношения России с Францией. Т. 1. С. 34-35.

спублики не могли заставить Павла согласиться оставить в ее владении Египет. Что же касается Британии, то Ростопчин прямо заявлял, что «в случае же занятия англичанами Египта ... е[го] и[мператорско]е в[еличеств]о намерен, купно с Портою, Францией, Данией и Швецией, употребить силу для достижения поставленной цели»⁷⁵: провести военную интервенцию и возвратить провинцию Высокой Порте⁷⁶, которая, в противном случае, «дивясь своей глупости, будет сидя плакать на одном месте»⁷⁷.

Что же до экономической выгоды, то в Санкт Петербурге понимали необходимость «уничтожения видов Англии на завладение Египтом, следственно и всею торговлею Средиземного и Красного морей»⁷⁸. Однако очевидно, установление контроля над «левантийской негодией» российские власти считали не самоцелью, а лишь средством для еще большего вовлечения Османской империи в орбиту своего влияния. Впрочем, Наполеон в торге о Египте попытался сыграть именно на коммерческой струнке. В письме Павлу I Первый консул убеждал своего нового союзника, что «интерес всех держав Средиземного, а также Черного морей требует, чтобы Египет остался за Францией. Суэцкий канал, который свяжет Индийское море со Средиземным, уже намечен; это работа легкая и не требующая много времени⁷⁹, но способная принести неисчислимые преимущества для русской торговли»⁸⁰. Наконец, уже после прихода к власти Александра I Бонапарт, отправляя к новому императору своего адъютанта Дюрока, предписывал тому «всегда говорить о Египте, как будто бы мы были уверены в обладании им» и восхвалять Екатерину II, «которая предвидела падение турецкой империи и понимала, что русская торговля может процветать только тогда, когда будет производиться через юг»⁸¹.

Изменилась в это время и тональность французской пропаганды среди жителей Египта. В феврале 1801 г. в Каире прошел артиллерийский салют в честь того, как писал аль-Джабарти, что

⁷⁵ Там же. С. 35.

⁷⁶ Там же. С. 57-58.

⁷⁷ Там же. С. 34.

⁷⁸ Там же. С. 34.

⁷⁹ Суэцкий канал был построен только в 1869 г., его сооружение заняло 11 лет и стоило около полумиллиарда франков.

⁸⁰ Дипломатические сношения России с Францией. Т. 1. С. 40-41.

⁸¹ Там же. С. 115; *Верблицкий*. К вопросу о ближневосточной политике России. С. 179.

Франция «заключила мир со всеми странами Европы, кроме Англии»⁸². Видным горожанам было объявлено, что «Верховный Главнокомандующий получил от правительства сообщение об отправке русских кораблей со снаряжением для французов, которые, может быть, скоро придут в Александрию <...> Раньше все северные страны были против Франции. Теперь же этой вражде пришел конец, война окончилась, и наступило время милосердия, сострадания и снисходительности»⁸³. После этого в риторике командования экспедиционного корпуса Россия начала именоваться «богохранимой» и изображаться в виде могущественной державы, способной двинуть 100 тыс. солдат на Стамбул, если султан откажется отозвать свои войска из Египта⁸⁴.

Произошедший в ночь на 12 марта 1801 г. в Петербурге дворцовый переворот и убийство императора Павла вновь развернули внешнеполитический курс Российской империи. Уже через несколько дней после воцарения Александр I отказался принять титул великого магистра Мальтийского ордена. Были восстановлены отношения с Великобританией, казавшаяся неминуемой война с ней была предотвращена подписанием совместной конвенции. Одновременно новое правительство стремилось не обострять нормализовавшиеся отношения с Францией. Экспансия в юго-восточном направлении была приостановлена. Александр и его ближайшее окружение крайне негативно отнеслись к только что провозглашенному присоединению Восточной Грузии⁸⁵. Из похода на Хиву и Бухару были отозваны казачьи полки, проект русско-французского завоевания Индии канул в Лету. Несмотря на отмечавшееся современниками «византийское» двуличие нового российского государя, Александр, похоже, был искренен, когда в начале своего царствования рассказывал, что был далек «как в силу <...> правил, так и естественной склонности, от всяких планов завоевания и захвата, убежденный, что это честлюю-

⁸² Аль-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. С. 376.

⁸³ Там же. С. 376-377.

⁸⁴ Там же. С. 394-395. Похоже, что именно в годы французского нашествия мусульманские обыватели Египта и Сирии стали отделять друг от друга представителей «неверных» европейских наций: *франсыз-янсыз* (осман. «бездушных французов»), *ингилиз-динсиз* (осман. «ни во что не верящих англичан»), *рус-ма'кус* (осман. «порочных русских») и др. (Lewis. The Muslim Discovery of Europe. P. 174). Эти отрицательные коннотации не связаны с особыми характеристиками, которыми османы наделяли определенные европейские народы, а подбирались по созвучию. Для тюркских языков типична редупликация с добавлением второго слова-эхо.

⁸⁵ Подробнее см.: Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906. С. 70-92.

бие должно быть чуждо государю обширной империи, одаренной величайшими благами природы и заключающей в собственных недрах все источники народного благосостояния со всеми задатками силы и могущества»⁸⁶.

Не нужен был новому правительству и конфликт со Стамбулом. При этом своего османского союзника Александр рассматривал как варварское государство, «слабость и дурное правление которого служат драгоценным залогом безопасности»⁸⁷ России. Доставшийся ему в наследство союз с Портой молодой царь считал «странной комбинацией», вызванной «необыкновенными обстоятельствами»⁸⁸, и понимал, что только французская агрессия на Ближний Восток удерживает Турцию «в объятиях» России. «...Когда Египет будет освобожден от неприятельского ига (событие, которое вероятно свершится скоро), – предсказывал Александр в конце июня 1801 г., – то не нужно особенного дара предвиденья, чтобы опасаться, что ненависть к христианскому имени пробудится в Константинополе и примет серьезный характер против нас»⁸⁹. Соответственно именно Египет виделся наследнику Павла «неисчерпаемым источником затруднений и споров, которые <...> не могут не задеть Россию»⁹⁰.

Египетский вопрос представлялся Александру дипломатической ловушкой, из которой он должен был любой ценой найти выход. «Прежде всего, – признавался император во время приватной беседы с Дюроком, – мой покойный родитель потребовал очищения Египта: и я думал, что французы не согласятся»⁹¹. Возобновлять военные действия против Франции Александр не собирался. В то же время он был обязан выполнять союзные обязательства по отношению к султану, «а главная услуга, которую Порта может ожидать от меня, – писал российский монарх, – это моя забота и мое старание об очищении Египта»⁹². Наиболее вероятным решением Александру ви-

⁸⁶ Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I (Под ред. проф. Александра Трачевского). Т. 1-4. СПб., 1890–1893. Т. 1. С. 217. Инструкция Моркову, отправленному в Париж. Каменный остров, 27 июня/ 9 июля 1801 г.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 133. Рескрипт Александра I Колычеву от 16/28 апреля 1801 г.

⁸⁹ Там же. С. 217. Инструкция Моркову, отправленному в Париж. Каменный остров, 27 июня/ 9 июля 1801 г.

⁹⁰ Там же. С. 133. Рескрипт Александра I Колычеву от 16/28 апреля 1801 г.

⁹¹ Там же. С. 176. Дюрок – Бонапарту. 16 прериала IX г.

⁹² Там же. С. 133. Рескрипт Александра I Колычеву от 16/28 апреля 1801 г.

делось создание патовой ситуации, при которой он бы взял на себя посреднические функции в франко-турецких переговорах. «Тогда участь Египта, – отмечал царь, – осталась бы нерешенною, так как обсуждение ее отложено было бы до примирения Франции с Портой Оттоманской»⁹³.

Капитуляция французского экспедиционного корпуса в Египте была с облегчением воспринята в Санкт Петербурге. Для эвакуации французских солдат Порта задействовала ходившие под российским флагом греческие корабли, но судьба погружавшегося в хаос Египта была царскому правительству уже неинтересна. Арабский Ближний Восток вновь стал для России не объектом геополитической борьбы, а Святой землей, которую посещали немногочисленные паломники.

Список литературы

- Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. СПб.: Тип. Монтвида, 1906 [*Avalov Z.D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii. SPb.: Tip. Montvida, 1906*].
- Ад-Дарандали, 'Иззет Хасан-эфенди.* Зийа-наме (Книга о Зия[-паше]). Каир: Дар ан-нашар, 1999 [*Ad-Darandali, 'Izzet Xasan-e `fendi. Zija-name (Book on Ziya[-pasha]). Kair: Dar an-nashar, 1999*].
- Аль-Джабартти, 'Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1962 [*Al`-Dzhabarti, 'Abd ar-Raxman. Egipet v period e `kspedicii Bonaparta. M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1962*].
- Аль-Джабартти, Абд ар-Рахман.* Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978 [*Al`-Dzhabarti, Abd ar-Raxman. Egipet v kanun e `kspedicii Bonaparta (1776–1798). M.: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`, 1978*].
- Васильев Д.Д.* Из истории Российско-Османского боевого содружества (по материалам Фонда канцелярии адмирала Ф.Ф. Ушакова в Российском государственном архиве ВМФ) // *Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера.* М.: Восточная литература, 2006 [*Vasil`ev D.D. Iz istorii Rossijsko-Osmanskogo boevogo sodruzhestva (po materialam Fonda kancelarii admirala F.F. Ushakova v Rossijskom gosudarstvennom*

⁹³ Там же. С. 133-134.

- arxive VMF) // Turcica et Ottomanica. Sbornik statej v chest' 70-letiya M.S. Mejera. M.: Vostochnaya literatura, 2006].
- Вербицкий Э.Д.* К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII – XIX веков (О проекте русско-французского союза и раздела Оттоманской империи Ф.В. Ростопчина) // Колониальная политика и национально-освободительное движение (из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока). Кишинев: Кишинев. гос. ун-т., 1965. С. 159-193 [*Verbiczkij E`D.* K voprosu o blizhnevostochnoj politike Rossii na rubezhe XVIII – XIX vekov (O proekte russko-franczuzskogo soyuza i razdela Ottomanskoj imperii F.V. Rostopchina) // Kolonial'naya politika i nacinal'no-osvoboditel'noe dvizhenie (iz novoj i novejshej istorii Balkan, Blizhnego i Srednego Vostoka). Kishinev: Kishinev. gos. un-t., 1965. S. 159-193].
- Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XIX вв. М.: Наука, 1978 [*Vostochny`j vopros vo vneshnej politike Rossii. Konecz XVIII – nachalo XIX vv.* M.: Nauka, 1978].
- Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I (Под ред. проф. Александра Трачевского). Т. 1-4. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1890–1893 [*Diplomaticheskie snosheniya Rossii s Franciej v e`roхu Napoleona I (Pod red. prof. Aleksandra Trachevskogo).* T. 1-4. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1890–1893].
- Кириллина С.А.* Бунабарди-паша и «воинство шайтана»: ислам в политике восточной экспедиции Бонапарта 1798–1801 гг. // Французский Ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 35-54 [*Kirillina S.A.* Bunabardi-pasha i «voinstvo shajtana»: islam v politike vostochnoj e`kspedicii Bonaparta 1798–1801 gg. // Franczuzskij Ezhegodnik 2017: Franciya i Sredizemnomor'e v Novoe i Novejshee vremya. M.: IVI RAN, 2017. S. 35-54].
- Кобищанов Т.Ю.* Джихад – неверующим, союз – неверным: Высокая Порта в первые месяцы после французского вторжения в Египет // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2010. № 2. С. 3-22 [*Kobishhanov T.Yu.* Dzhixad – neveruyushhim, soyuz – neverny`m: Vy`sokaya Porta v pervy`e mesyacy posle franczuzskogo vtorzheniya v Egipet // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. 2010. № 2. S. 3-22].

- Талейран Ш.* Мемуары. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997 [*Talejran Sh.* Мемуары. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1997].
- Чудинов А.В.* Падение французского Эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // Французский Ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 55-93 [*Tchoudinov A.V.* Padenie francuzskogo El'-Arisha. Dekabr' 1799 g. // Francuzskij ezhegodnik 2017: Franciya i Sredizemnomor'e v Novoe i Novejshee vreme. Moskva: IVI RAN. S. 55-93].
- Finkel C.* *Osman's Dream. The Story of the Ottoman Empire 1300–1923.* London: John Murray, 2005.
- Laurens H.* *L'Expédition d'Égypte, 1798-1801.* Paris: A. Colin, 1989.
- Lewis B.* *The Muslim Discovery of Europe.* New York: W.W. Norton & Company, 2001.
- Napoléon Bonaparte.* *Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III.* Т. 5. Paris: Henri Plon–J.Dumaine, 1860.
- Poniatowski M.* *Talleyran et le Directoire 1796-1800.* Paris: Librairie Académique Perrin, 1982.
- Raymond A.* *Égyptiens et français au Caire, 1798–1801.* Le Caire: Institut Français d'archéologie orientale, 1998.
- Al-Shihabi, Haydar Ahmad.* *Lubnan fi 'ahd al-umara' al-Shihabiyyin* [Ливан в эпоху правления эмиров Шихабов]. Beirut: F. Bustani éd., 1933.
- Turk, Nicola.* *Chronique d'Égypte 1798–1804,* ed. and trans. Gaston Wiet. Cairo: Impr. De l'Institut français d'archéologie orientale, 1950.
- Wittman W.* *Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria and across the Desert into Egypt during the Years 1799, 1800, and 1801, in Company with the Turkish Army, and the British Military Mission.* London: Arno Press, 1803.

**THE RUSSIAN-FRENCH CONFRONTATION
IN THE MIDDLE EAST DURING
THE EGYPTIAN CAMPAIGN OF BONAPARTE
1798–1801**

The article is devoted to the analysis of the Russian-French confrontation in the Middle East at the period of the Second Coalition (1798–1802). The Russian troops hadn't been directly involved in the fight against the expedition corps under command of Napoleon Bonaparte that invaded to Egypt and Syria, but this possibility was considered by Ottoman authorities, as well as by British and French commandment. Meanwhile the emperors Paul I and Alexander I had their own plans concerning the Middle East. The special attention is paid to the image of Russia in the propaganda war that the parties of the conflict were fighting for the minds of Muslim subjects of the Ottoman Empire.

Keywords: French expedition in Egypt, Napoleon Bonaparte, foreign policy of Paul I, Russia in the Middle East, Feodor F. Ushakov, Vassily S. Tomara

*Taras Kobishchanov,
PhD (History), Associate Professor,
Department of History of the Middle and Near East,
Moscow State University*